УДК 342

Государственное управление на основе принципов народовластия

Селезнев Андрей Геннадиевич

Руководитель,
Автономная некоммерческая организация «Национальный центр
общественных коммуникаций»,
115419, Российская Федерация, Москва, ул. Донская, 15;
e-mail: andrey@seleznev24.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос о том, как в современных российских условиях модернизировать систему государственного управления с целью обеспечения прорыва в научно-технологическом и социально-экономическом развитии РФ, удовлетворяющих интересам большинства населения, на основе принципов народного волеизъявления.

Автором проводится исследование отечественного и зарубежного исторического опыта развития основных форм непосредственной демократии, анализируются социокультурные и исторические факторы, которые влияли и повлияли на процессы, связанные с формированием моделей народовластия в различных странах, а также раскрывается современное состояние народовластия в России и его основные конституционно-правовые проблемы.

Предлагается прямое народовластие использовать в качестве эффективной системы управления государством.

Обсуждается вопрос о внедрении новых механизмов, создании условий среды, а также конституционном и законодательном реформировании, позволяющих каждому гражданину РФ принять реальное участие в процессах, связанных с формированием, контролем, управлением и реализацией государственных программ, стратегий социально-экономического развития РФ, федеральных и региональных государственных проектов, инвестиционных программ, законопроектов и прочих инициатив.

Для цитирования в научных исследованиях

Селезнев А.Г. Государственное управление на основе принципов народовластия // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 1А. С. 113-128.

Ключевые слова

Вече, Древнерусское народовластие, гражданское общество, демократия, народное волеизъявление, народовластие, Конституция Российской Федерации, цифровое государство, государственная власть, управление.

Введение

В современном мире осуществить эффективное социально-экономическое развитие государства, удовлетворяющее интересам большинства населения, повысить патриотизм граждан, единство народов, а также добиться научно-технологического прорыва, улучшения качества жизни каждого гражданина, развития науки, образования и нравственного воспитания нации возможно только на основе принципов прямого демократического управления государством. С учетом активнейшего интеллектуального развития человеческого потенциала страны, что проходит параллельно с созданием, внедрением и использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в повседневной жизни населения, видится необходимость применения ИКТ в системе государственного планирования и управления с целью устранения бюрократических барьеров и коррупционных сетей, препятствующих укреплению государства.

Создание демократического государства – это сложный и многоуровневый процесс, являющийся следствием длительного, постепенного формирования гражданского общества. Современная Россия развивается в принципиально новых условиях и должна сформировать свою национальную стратегию построения такого общества, сочетая различные культурные традиции собственного исторического опыта.

Изложение основного материала – исследования отечественного и зарубежного исторического опыта развития основных форм непосредственной демократии

Исторические корни российского гражданского общества можно проследить со времен раннего средневековья. Еще VI в. Византийский историк Прокопий Кесарийский высказывался о славянских племенах так: «Эти народы... не управляются одним человеком, но издревле живут в демократии, и потому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом» [Jedlicky, 1953]. Позднее немецкий хронист Титмар Мерзебургский рассказывая о славянском племени лютичей, отмечал, что ими «никакой властитель единолично не управляет». Таким образом, анализируя структуру общества древней Руси, следует отметить, что оно было представлено целым рядом институтов: семья, вервь, улица, вече, ряд, церковь и тому подобное. Причем, с точки зрения С.К. Чернова, важной специфической особенностью общественных институтов Киевской Руси была экстремальность, потому что их деятельность имела незапланированный, спорадический характер [Электронная демократия: граждане и власть, с.313].

Сегодня принято считать, что в истории существовало два центра государственности в Древней Руси: Киева и Великого Новгорода. Их основное различие состояло в системе управления. Так, если в Киеве доминировал принцип индивидуального управления, т.е. институт княжества, то в Великом Новгороде распространение получило взаимодействие двух принципов: института и народного вече. Однако, в обоих случаях признавалось наличие двух элементов структуры власти – институтов княжества и вече, дифференциации функций данных институтов, письменной фиксации их взаимоотношений в виде договорных грамот и формальном доминировании народного вече. Данные обстоятельства составляют основу для существования древнерусской демократии.

Вече (от славянского *вѣтъ* – совет) берет свое начало со средневековой Руси.

Вслед за Н. Костомаровым некоторые исследователи российского права (М.А. Исаев,

А.И. Толстая, О.Ю. Рыбаков) отличали давнее российское государство среди европейских именно по признаку народовластия и определяли власть вече как верховную. Так, С.С. Зенин считал, что «вече было пренебрежительным народным органом власти ... в нем отразилась верховная воля народа» [Лафитский, 2003, с.18].

Вече давало возможность славянам, участвующим в нем, высказываться и принимать совместные решения. Как указывает В. Кустерский, собрания вече проходили по мере надобности и созывать собрания мог каждый, кто считал необходимым обсуждение какого-либо вопроса на вече [Липчанская, 2014].

По мнению А.И. Ковлера и В.В. Смирнова, уникальна одна деталь - глубокие принципы взаимоотношений между участниками вече, построенные на основе честности, искренности, неподкупной чистоты. На вече между народом и князьями заключался договор - «ряд». То есть давались взаимные обязательства, которые конкретизировали систему взаимоотношений, взятых на себя добровольно обеими сторонами. Как вече, так и князь, клялись беспрекословно соблюдать взятые на себя обязательства, которые отражали конкретно указанные вопросы в «ряде». Также предусматривались такие вопросы, как ограничение княжеской власти, доходы князя, помощников и прочие положения. В том случае, если князь позволял себе не соблюдать условия, на которых с ним заключили договор, или же пытался поменять обычный порядок, который устраивал более сильную часть, то князя просто «изгоняли». Это позволяло искать и находить оптимальные варианты принятых решений в течении очень долгого времени [Ковлер, Смирнов, Шахназаров, 1986, с.43].

Таким образом, летописные данные характеризовали вече, как верховный демократический орган власти, который продолжал развиваться вместе с княжеской властью. Это действительно народное собрание, важная составляющая государственного механизма, которое решало кардинальные проблемы социально-политической жизни государства. А значит, принцип парламентаризма (вечевой), выборности и ответственности представителя власти перед русским народом и является особой историко-генетической чертой славянских народов.

Одним из самых ярких примеров народовластия в российской истории – народное самоуправление Новгородской республики и Псковской вечевой (феодальной) республики.

В 1136 г. после восстания горожан Новгорода против князя народное собрание – вече обрело полную власть, выбирая не только князя, но и архиепископа» [«Charter of Democracy» address before the Ohio constitutional convention by Theodore Roosevelt, с.73].

Следует отметить, что обсуждение важных вопросов проходило не кулуарно, а коллегиально и открыто, демократически. В то время как бояре дискутировали, новгородцы стояли на улицах, которые примыкали к вечевой площади, и выражали свое отношение, контролируя соблюдение обще-новгородских интересов.

К новгородскому народовластию имели доступ все заинтересованные граждане, что соответствует принципам прямой и партиципаторной моделям демократии.

Новгородское вече выполняло множество функций в системе государственного управления рассматриваемого периода. Так, народ на вече выбирал посадника из бояр — главного представителя города, представлявшего интересы города, осуществлявшего исполнительную власть и взаимодействие с князем: без него князь не мог править в Новгороде. Вече выбирало тысяцких, которые от имени народа командовали городским ополчением, исполняли контрольно-надзорные функции в торговой сфере. Также, вече выбирало даже архиепископа, который обладал значительной властью, ведал казной, решал семейные споры, выступал в роли арбитра в период политических кризисов [Янин, Алешковский, 1971, с.55]. Таким образом,

можно сделать вывод, что представители власти были избираемы и контролируемы, ни одно должностное лицо не концентрировало в своих руках максимальный объем власти.

В эпоху раннего средневековья вечевая демократия все больше приобретала черты олигархической формы правления и постепенно прекратила свое существование. Что, собственно, было закономерным явлением в условиях набирающего силу феодализма [Макферсон, 2011, с.25].

Как известно, сам термин «демократия» был основан в Древней Греции. В отличие от правления одного (автократия) и нескольких (аристократия), демократия рассматривалась как правление большинства, и должна охватывать бедных и необразованных людей. Во времена расцвета демократии на центральной площади Афин собиралось около 5 тыс. человек для принятия решений по важнейшим вопросам. Однако следует понимать и то, что «правлящий класс» античной демократии никак не мог быть реальным большинством, поскольку не включал рабов, чужаков, женщин, которые вместе и составили подавляющее большинство жителей полиса.

Все это способствовало негативной оценке демократии выдающимися античными философами - Платоном и Аристотелем, а также в целом европейской политико-правовой мыслью к концу XVIII в. В частности, Аристотель вместо демократии как «неправильной формы» правления, предложил модель смешанного правления (политию). Смешанное правление получило свое развитие во времена Древнего Рима в виде республики, особенность устройства которой виделась в том, что вся власть не могла принадлежать никому - ни одному, ни нескольким, ни большинству, что должно было обеспечить приоритет дела всего сообщества [Петухов, Петухов, 2015].

Позже идея народовластия была обогащена практикой управления городов-государств Италии, христианскими ценностями, республиканскими идеалами Макиавелли, концепциями государственного (Боден) и народного (Ж.-Ж. Руссо) суверенитета, механизмом разделения властей (Дж. Локк, Ш. де Монтескье). Идея о том, что законодательная власть должна принадлежать всему народу, не оспаривается философским деятелем французской революции Ж.-Ж. Руссо, наполняет эту идею важным социальным содержанием.

Согласно концепции Ж.-Ж. Руссо, суверенитет народа должен проявляться в осуществляемой им законодательной власти, что должно принадлежать непосредственно народному собранию, в которых принимают участие все граждане. Народ, подчиняется законам, должен быть их творцом. Но, с другой стороны, Руссо задается вопросом: «Как может слепая толпа, которая часто не знает, чего она хочет (поскольку она редко знает, что ей на пользу) сама сделать настолько большое и столь трудное дело, как создание системы законодательства?» [Рубенко, 2003, с.84]. Хотя Руссо был противником народного представительства, из сказанного выше становится ясно, что действия по разработке и принятия законов исключительно управляющими субъектами в одностороннем порядке являются неправомерными, так все законы должны быть подготовлены осведомленными законодателями и согласовываться с народом, является главным индикатором демократического участия.

Истоки совместной демократии, а рядом с ними и идеи участия граждан в законотворчестве, можно найти и во взглядах выдающегося немецкого философа Канта, который вслед за Руссо утверждает: «Законодательная власть может принадлежать только объединенной воле народа» [Кант, с.234]. Это мнение разделяет и Ш.Л. Монтескье, утверждая, что при народном управлении народ как суверен власти одновременно является и создателем законов, и тем объектом, на которого они распространяются, создавая законы, народ несет ответственность за их выполнение [Монтескье, 1999, с.101].

Отдельно стоит упомянуть принятия исторического документа - «Декларации прав человека и гражданина» 1789, что стало результатом многолетних усилий зарубежных теоретиков и является свидетельством важного значения народного управления как необходимого атрибута демократического общества. Среди положений Декларации ведущее место занимает ст. 6, согласно которой «закон является выражением общей воли» и «все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его создании» [16, с.286].

Впоследствии упоминания об участии граждан в законотворчестве встречаются в законодательстве Франции. Так, отдельные положения Декларации закрепились в ст. 10 Конституции Франции 1793, известной в истории как якобинская конституция, в которой предполагалось следующее: «народ обсуждает и постановляет законы» [Лафитский, 2003, с.121].

Провозглашая суверенитет народа, французская революция трактовала его как совокупность граждан, а отдельный гражданин является абстрактным универсальным человеческим существом, наделенным свободой по своей природе и в качестве носителя этой свободы призван участвовать в осуществлении политической власти [Демократия в Западной Европе XX века, с.5]. Якобинская Конституция стала прорывом в демократическом мышлении своего времени, но, видимо, именно ее решительный и кардинальный характер и стал причиной того, что она так никогда и не вступила в силу.

По сравнению со Средневековьем этот этап под влиянием концепций французских мыслителей характеризуется наличием оформленных признаков народной законодательной инициативы, характеризующих ее как форму реализации народом своей суверенной власти.

В XX в. институты прямой демократии, в том числе народная законодательная инициатива, получили наибольшее развитие, связанное с концептуальными обоснованиями относительно участия граждан в управлении государственными делами, которые превозносили и даже идеализировали тогдашние представители политической философии - Ю. Хабермас, Б. Барбер. Они обращаются к «делиберативной», так называемой «коммуникативной» демократии (предусматривает соединение принципов представительной и прямой демократии в современных условиях), как отдельного научного направления прямой демократии. В наиболее обобщенном виде необходимо понимать, что все важные общественные проблемы должны решаться с учетом общественного мнения, произведенной коммуникативным путем; такая форма демократии возможна в обществе с высоким уровнем правового воспитания и политической культуры [Крашенинникова, 2004, с.303].

Институты прямого народовластия воплотились в реальность вследствие давления на государственную власть со стороны организованных структур гражданского общества. Под этим давлением государственная власть согласилась на передачу им большинства функций в сфере управления страной. Таким образом, отдельные идеи народной законодательной инициативы, собственно и сам этот термин, вместе с достижениями римского права, были рецепированы в западноевропейскую правовую традицию. Шаг за шагом в конституциях государств Европы за народом признаются некоторые реальные властные полномочия. Таким образом, граждане получают возможность принимать участие в осуществлении государственной политики и осуществляют влияние на содержание политических решений, принятых их представителями.

Существование народовластия в Швейцарии было обеспечено условиями, особенно благоприятными для развития непосредственного участия граждан в политической жизни государства. Определенную роль в этом сыграло то, что в Швейцарии степень развития непосредственной демократии всегда находился на достаточно высоком уровне [Казьмина, 2011, с.33].

Следует указать, что еще с XV в. в кантонах Швейцарии сохранилась практика проведения собраний «свободных людей» - земельный сход. Институт земельных сходов на уровне кантонов является практическим отображением идей народного суверенитета. Показательным является тот факт, что локальные формы непосредственной демократии, распространенные в Швейцарии, не возымели широкого использования в других странах мира, за исключением США.

По Новому времени народная законодательная инициатива в кантонах Швейцарии стала приобретать ту форму, в которой сейчас существует - внесение гражданами проекта правового акта соответствующего органа государственной власти. Так, в середине XIX в. кризис институциональных основ политического процесса, падение уровня доверия к органам власти в отдельных кантонах Швейцарии вызвали борьбу между сторонниками и противниками прямой демократии, результатом которой стало признание за гражданами права выдвигать законопроекты в парламент кантона в 1845 г. [Piott, 1992].

Идея прямого народовластия закрепились не только на европейском континенте, но и в США. Участие граждан в процессе принятия решений глубоко укоренились в политической культуре Соединенных Штатов, где примером такого участия стали открытые городские сборы во многих городах Новой Англии. В колониальный период истории (1607-1776 гг.) разграничительной вехой стал 1715, когда предложить законопроект общественного значения (fixed agenda) и провести к нему голосования на местных встречах имели возможность десять избирателей колонии Массачусетс [Procopii Caesariensis De bellis libri V–VIII].

Постепенное обновление элементов народовластия пронизывает американскую политическую мысль в эпоху революции и становления США как суверенного государства, в так называемую прогрессивную эру. Наибольших успехов прогрессисты достигли в сфере политических реформ. Своеобразие популистских идей определялось фундаментальными аспектами: во-первых, новым содержанием понятие «народ» и «народовластие», во-вторых, новым взглядом на роль государства в жизни общества, в-третьих, требованием расширения демократических структур путем сочетания представительной демократии и прямой демократии, то есть введение непосредственного участия народа в управлении и контроле за деятельностью государственной власти.

Ряд положений реформы во многом подготовили почву для кардинальных преобразований, осуществленных администрациями Т. Рузвельта, В. Тафта и В. Вильсона, заложив новый теоретический фундамент политического режима США, который существует на протяжении более двухсот лет.

Стоит отметить, что народные движения того времени не имели целью отменить или заменить парламентскую систему на новую, а, наоборот, усовершенствовать ее модернизированными институтами, путем предоставления права избирателям участвовать в инициативном и референдумном процессах. И, как справедливо отметил Президент США Теодор Рузвельт (1901-1909 гг.): «Я верю в действие инициативы и референдума, которые должны быть использованы не с целью разрушения представительного правительства, а для исправления в случае его недееспособности» [Luce, 1930].

Таким образом, новый период для народной законодательной инициативы как института непосредственной демократии начался в 1898, когда избиратели Южной Дакоты по результатам всенародного голосования внесли поправку в конституцию штата, предусмотрев возможность проведения народных законодательных инициатив и референдумов, что стало одной из знаковых реформ Прогрессивной эры [Roberts, 2010, с.181].

Различные прогрессивные институты непосредственного народовластия закрепились в конституциях европейских стран «первой волны» демократизации после Первой мировой войны (Австрия, Латвия, Литва, Лихтенштейн), в остальных хронология введения народной законодательной инициативы была значительно продолжительнее. После окончания Второй мировой войны начинается второй этап трансформации народовластия - этап, на котором она приобретает сознательного и открытого характера. Так, «вторая» и «третья волна» охватили Италию, Испанию, Португалию, ФРГ.

В странах Восточной Европы - Румыния, Черногория, Сербия, Словения, Польша, Грузия, Кыргызстан, Македония, Беларусь - понятие «народовластия» был введен в юридический оборот только на рубеже 90-х гг., взяв курс на западные демократические ценности, то есть в тот период, когда большинство европейских стран уже осуществили его полноценную институализацию.

В то же время Россия, выбрав путь правового, демократического государства, также нуждается в более совершенном конституционно-правовом закреплении эффективных форм прямого народовластия. Учитывая это, исследуя возникновение и развитие прямых форм демократии в разных странах, есть основания утверждать, что в России необходимо глубже изучить истоки формирования народного законотворчества, возникшие в Древнерусском государстве в виде «вечевых собраний», где свободное население имело возможность обсуждать важнейшие вопросы местной жизни. В русских землях царила тогда смешанная форма правления: верховную власть осуществляли князь, боярская совет и вече.

Так, Т.О. Примакова обращает внимание на то, что восточные славяне имели «обычай созывать сходы, на которых решали важнейшие вопросы жизни племени. В них могли участвовать, кроме князя с его женой, все свободные люди». Вече древних славян имели много общего с народными собраниями древних швейцарцев, закрепили за собой репутацию удачного примера проведения первых референдумов в мире, однако дальнейшее развитие народовластия на Руси не получило своего логического завершения, поскольку был прерван татаро-монгольским нашествием [Примакова, 2014, с.70].

В зарубежных странах первоосновой функционирования правового государства в XX в. является наличие развитого и структурированного гражданского общества, формировавшегося многими веками. Что касается России, то конституционные акты того времени, в целом не содержат упоминаний о возможности применения форм непосредственной демократии, что объясняется спецификой конституционного развития, особенностями создания национальной российской государственности в условиях завершения Первой мировой войны включительно. Идеи народного суверенитета на территории монархической Российской империи существовали только в стремлении народов к своему самоопределению.

Право законодательной инициативы за народом не получило признания и в четырех советских конституциях 1919, 1929, 1937 и 1978, что подтверждает лишь то, что институт народной законодательной инициативы был значительным новаторским явлением для социалистической действительности, поскольку в отношениях государства и гражданина последний субъект занимал производное, а не определяющее место.

Исключение составляет проект Конституции СССР 1936 г., в котором указывалось, что граждане через общественные организации имеют возможность принимать не только опосредованное (через депутата), но и прямое участие в реализации права законодательной инициативы, права контроля за деятельностью власти [Лафитский, 2003, с.17]. Однако в

Конституцию 1936 года эту довольно демократическую статью введено не было.

Как отмечает М. П. Орзих, в первой Советской Конституции РСФСР (1918 г.) не устанавливался исчерпывающий перечень политических прав, а использовалась общая формула, где граждане имеют право «устраивать собрания, митинги, походы и т.д.», когда Конституция СССР 1936г. содержит единые, общие и равные для всех граждан политические права и свободы.

В конституции СССР 1977 года было значительно расширено объем политических прав через закрепление возможности проведения референдума и объективизации права законодательной инициативы при довольно широком круге субъектов - Совета Министров, постоянными и другими комиссиями Верховного Совета, Президиумом Верховного Совета, депутатами Верховного Совета, Верховным Судом, прокурором РСФСР, республиканскими органами общественных организаций.

Советский период развития народовластия характеризуется наличием внутреннего противоречия, которое заключается во взаимодействии идеологии и права. С одной стороны, была создана мощная правовая база, регулирующая порядок участия граждан в управлении государственными и общественными делами. С другой стороны, руководящая роль коммунистической партии исключала возможность прямого участия населения страны в принятии окончательного решения по обсуждаемым вопросам [Зенин, 2008, с.32].

По утверждению М.Ф. Орзих, за все почти 70 лет существования бывшего СССР советский народ на практике непосредственно не принял ни одного решения, которое имело бы императивную юридическую силу, а институты советской непосредственной демократии в целом имели формально-атрибутивный характер [Орзих, 2015, с.152].

В современной России принятие действующей Конституции Российской Федерации в 1993 году сопровождалось существенными нарушениями законодательства: новая Конституция, в силу Закона РСФСР «О референдуме» 1900 года, должна была быть принята путем проведения референдума, который мог быть назначен лишь Съездом народных депутатов или Верховным Советом. Решение о принятии считалось окончательным, если за него проголосовало более половины граждан, внесенных в списки для участия в референдуме. Президент Б.Н. Ельцин, с целью обойти вышеупомянутые правила, 15 октября 1993 года подписал указ о всенародном голосовании по проекту Конституции России и утвердил «Положение о всенародном голосовании по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года». Таким образом, за новую Конституцию проголосовало 58,43 % от числа принявших участие в голосовании, что при явке в 54,81 % составляло 32,03 % от числа зарегистрированных для участия в референдуме граждан России. Приведенные факты являются юридическим основанием постановки вопроса о легитимности, действующей на сегодняшний день в Российской Федерации Конституции.

Далее, остановимся на проблеме невозможности граждан, на основании текста действующей Конституции РФ, осуществлять в полной мере право принимать участие в государственном управлении. Так, согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, т.е. власть в России производна от власти народа. Реализация принципа народовластия для государства обеспечивает легитимность власти [Конституция...]. В этой связи легитимность является условием демократичности власти, поскольку она отражает отношение народа – обладателя государственной власти к органам и должностным лицам ее осуществляющим. Имеющее место в современный период нарушение связи между народом, как

носителем государственного суверенитета, и органами власти, как организационно-правовой формой реализации его суверенного права властвовать в своих интересах, отчасти является следствием изменения порядка формирования представительных органов государственной власти и местного самоуправления, их переходом на партийную и профессиональную основу деятельности.

Проблемы обеспечения легитимности государственной власти в последнее время приобретают все большую остроту и актуальность. Они обусловлены разными политическими, экономическими и социальными факторами, в числе которых не только и не столько вопросы обеспечения явки избирателей на выборы, сколько необходимостью формирования эффективного механизма реализации народной власти.

Это подтверждается увеличением протестных настроений граждан, вызванных затянувшимся кризисом в экономике, нерешенными социальными проблемами, ставшими результатом неудачного реформирования системы образования и здравоохранения, финансовой политики государства, направленной на пополнение бюджета за счет усиления налоговых платежей и административных штрафов, повышения пенсионного возраста, а также целого ряда других факторов, негативно оцениваемых гражданами России и вызывающих у них неудовлетворенность деятельностью органов государственной власти.

Также негативную реакцию у населения вызывает финансовая политика государства, направленная на пополнение бюджета за счет увеличения налоговых платежей и административных штрафов.

Выводы о существующих проблемах и предложения по возможному созданию новых форм и механизмов для формирования современной модели народовластия

Конституция Российской Федерации 1993 г. изменила основы организации представительных органов государственной власти. На смену советской системе представительства была введена парламентская, действующая на партийной постоянной профессиональной основе. Едва ли такой подход и смену характера высшего органа народного представительства России можно признать удачным с точки зрения обеспечения реального представительства народа, как суверена и носителя государственной власти и обеспечения экономического состояния страны и социального благополучия ее народа.

Последствия во многом элитарной кадровой профессионализации при реформировании системы формирования и работы представительных органов власти усугубились проявлениями в них лоббизма и коррупции со стороны должностных лиц органов государственной власти, достаточно активно обсуждаемых последнее время в криминальных хрониках и официальных сообщениях средств массовой информации.

Такой подход к политическим реформам теоретически обосновывался необходимостью осуществления государственной власти подготовленными представителями партийной политической элиты, готовой взять на себя ответственность за судьбу государства. Нормативно он был обеспечен переходом на пропорциональную систему выборов в представительные органы государственной власти и местного самоуправления, выдвижением кандидатов на выборные должности от партий и по партийным спискам, чем фактически обеспечил представительство абсолютного большинства в органах государственной власти членов правящей партии, при пассивном участии граждан и низкой явке избирателей на выборах.

Однако, в рамках темы исследования основным недостатком современной конституционно-правовой регламентации общественных отношений, складывающихся в сфере реализации принципа народовластия, является весьма схематичное закрепление в Конституции 1993 г. целей, на достижение которых должна быть направлена деятельность государства, определяющих целеполагание власти как основы управленческой деятельности ее органов и должностных лиц. К сожалению, приходится констатировать, что Конституцией 1993 г. не определены обязанности исполнительной, законодательной и судебной властей перед народом, их регламентация касается только индивидуальных прав и свобод человека. Установленное в ст. 2 Конституции Российской Федерации положение: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» является практически единственным положением, содержащим конституционную обязанность государства перед народом. Оно отражает признание приоритета индивидуальных ценностей, что обусловлено господствовавшей в России идеологии либерализма в период разработки правящей элитой и принятия Конституции.

К сожалению, положений об обязательствах и обязанностях органов власти перед многонациональным народом России как носителем власти и перед иными социальными группами, и общностями, как субъектами конституционных правоотношений в действующей Конституции Российской Федерации не содержится. Не установлены в ней общенародные и общенациональные цели, на достижение которых должна быть направлена деятельность государства и его органов, практически нет закрепления коллективных ценностей как конституционных институтов. Можно констатировать, что в качестве основ конституционного строя не получили своей регламентации коллективные права и интересы народа, наций и народностей и корреспондирующие им обязанности власти по их гарантированию и обеспечению. На данное обстоятельство обоснованно обращается внимание в работах, посвященных исследованию статуса народа, как субъекта конституционных правоотношений [Хабермас, 2002, с.56].

Сложность восполнения недостатка конституционной регламентации прав народа и социальных общностей посредством внесения поправок и изменений в гл. 1 и 2 Конституции Российской Федерации делают эту процедуру практически невозможной. В этой связи проблемы конституционной регламентации коллективных ценностей, установления общенародных и общенациональных целей для государственной власти и ее ответственности перед народом могут быть устранены только посредством системного анализа конституционных норм и их толкования. Закрепление в Конституции народного суверенитета предопределяет обязательства государственной власти перед многонациональным народом России, как коллективным носителем государственной власти. Суверенитет народа обуславливает необходимость обеспечения его интересов при выборе целей, форм и способов функционирования властных структур всех уровней, направленных на достижения общенародных благ и предопределяет ответственность органов власти перед многонациональным народом – сувереном.

Наряду с вопросами обязанностей и ответственности государства перед народом в реализации принципа народовластия есть также проблемы конституционной регламентации обязанностей народа как носителя и источника государственной власти. При характеристике взаимоотношений народа и системы государственной власти следует исходить из того, что содержание конституционных правоотношений представляют собой совокупность взаимных корреспондирующих прав и обязанностей их субъектов. В этой связи принцип народовластия

предполагает наличие у многонационального народа, как обладателя власти, обязанности формировать государственный аппарат во всех ветвях власти, реализующий государственную власть и обеспечивающий ее функционирование.

Но, осуществление данной инициативы – это сложнейшая задача, которая может реализоваться только на основе существенных и кардинальных изменений в Конституции Российской Федерации и Российском законодательстве, как федеральном, так и на региональных уровнях, учитывая международные обязательства России.

Изменения в Конституции и Российском законодательстве должны касаться предоставления максимальных полномочий народу России, как главенствующей власти. Народная власть должна стать одной из ветвей власти и главенствующей над всеми остальными. Реализовать это затруднительно, но возможно, путем множественных поэтапных преобразований и за счет усилий россиян.

В данном случае, видится необходимым в Конституции предусмотреть альтернативные (новые) формы прямого народовластия, которые бы позволили россиянам эффективно принимать участие на практике в управлении делами государства.

Реализацию народного волеизъявления, осуществление контроля и надзора народом за деятельностью представителей исполнительной, законодательной и судебной властей и их прямая подотчетность населению, а также внесение различных гражданских инициатив с обязательным их рассмотрением властью на предмет целесообразности, имеющих юридическую силу, возможно осуществить с помощью государственного Интернет-ресурса, как механизма для народного волеизъявления, закрепленного в Конституции Российской Федерации отдельной статьей, принцип функционирования которого должен быть регламентирован в Российском законодательстве.

Данные реформы требуют пересмотра положений глав 1, 2, 9, 32 и 33 Конституции Российской Федерации. Внесение изменений в данные главы основного закона возможны только через принятие новой Конституции Российской Федерации.

В новой же Конституции Российской Федерации необходимо предусмотреть упрощенный механизм изменения ее положений путем вынесения на всенародные обсуждения предлагаемых нововведений и дальнейшем прямом голосовании за указанные изменения дееспособной частью населения страны, через проведение всероссийского референдума или онлайн-голосования с использованием передовых информационно-коммуникационных технологий.

По аналогии с п.3 ч.3 действующей Конституции Российской Федерации определить выборы и референдум как высшее непосредственное выражением власти народа, добавив при этом такие формы как народные поручения и всенародные обсуждения.

Эти нормы следует предусмотреть по подобию с. ч.2 ст. 32 действующей Конституции Российской Федерации, в которой кроме двух основных форм народовластия (выборов и референдума), регламентировать такие народные формы управления делами государства, как народные поручения и всенародные обсуждения, являющихся также механизмами народного волеизъявления.

Заключительная часть

В современной России, анализируя деятельность Правительства Российской Федерации за последние несколько десятилетий и итоги различных реформирований, становится ясным то, что обеспечить эффективное научно-технологическое и социально-экономическое развитие, а

также целостность и безопасность государства возможно только опираясь на принципы народовластия. Россиянам надо вспомнить положительный исторический опыт Древней Руси и восстановить традиции предков, когда важные для государства решения принимались коллегиально на народных собраниях – вече. А реализовать данные инициативы возможно с помощью, появившихся в конце XX века, цифровых технологий, разработав и запустив государственный онлайн-ресурс для осуществления коммуникации между народом – единственным источником власти (ч.1 ст.3 Конституция РФ) и временно нанятыми или назначенными сотрудниками исполнительной, законодательной и исполнительной власти.

Только народ, с помощью определенных механизмов, форм, положений, законов и на основе утверждений, согласований, резолюций через реально подконтрольных представителей должен осуществлять непосредственное государственное планирование и управление страной.

В соответствии с представленными положениями необходимо разработать законопроекты, по каждой из указанных форм прямого народовластия, в которых будет определен правовой механизм их проведения с учетом положительного опыта зарубежных стран с эффективной демократической системой государственного управления и новейших разработок в области информационно-коммуникационных технологий.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы:

1. В современном мире народовластие является неотъемлемой частью основы организации управления в государстве.

2. Основным условием развития народовластия в Российской Федерации должен стать учет исторических традиций, зарубежного опыта передовых стран мира с развитой демократической системой и современных разработок в области информационно-коммуникационных технологий.

3. Особенностью реализации прямого народовластия в Российской Федерации на всех уровнях государственного управления должно быть дальнейшее законодательное развитие и совершенствование разнообразных форм выражения власти ее многонационального народа в субъектах Федерации и на местном уровне.

Библиография

1. Алексеев В. П. Народовластие в древней Руси / В. П. Алексеев. - Ростов- на / Д. : «Донская Речь» Н. Парамонова, 1904 г. С.68
2. Демократия в Западной Европе XX века. - М. : ИВН РАН, 1996. С.5
3. Демократия и участие в политике. Критические очерки истории и теории / Ковлер А.И., Смирнов В.В.; Отв. ред.: Шахназаров Г.Х. - М.: Наука, 1986. С.38-54
4. Дородейко А. «Большое общество», маленькие власти / А. Дородейко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/radio/radio_5etazh/2011/02/110220_5floor_big_society.shtml
5. Европейская гражданская инициатива [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2012/04/06/what-is-the-european-citizens-initiative/>
6. Европейские гражданские инициативы: сложно, но можно [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.delfi.ee/daily/euroopa/evropejskie-grazhdanskie-iniciativy-slozhno-no-mozhno.d?id=65849758>
7. Згоржельская С. С. Некоторые аспекты осуществления прямого народовластия / С. С. Згоржельская // Российская юстиция. - 2007. - № 6. - С. 16-17
8. Зенин С. С. Публичные слушания в истории развития форм участия населения в управлении общественными и государственными делами / С. С. Зенин // Государственная власть и местное самоуправление. - 2012. - № 3. - С. 32-36.
9. Зенин С.С. Публичные слушания и народное вече (исторический аспект) // История государства и права. - М.: Юрист, 2008, № 15. - С. 16-18
10. Исаев М.А. История Российского государства и права: Учебник. — М.: Статут, 2012; Толстая А.И. История государства и права России: Учебник для вузов (3-е издание, стереотипное). — М.: "Юстицинформ", "Омега-

- Л", 2010; Философия права: Учебное пособие / Отв. ред.: Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: Статут, 2018.
11. Казьмина Е.А. Народ как субъект конституционного права Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С.56.
 12. Кант И. Сочинения : в 6 т. / И. Кант ; пер. Б. А. Фохта, под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги и др. - Т. 4. - Ч. 2. - М. : Мысль, 1964-1966. - С.234
 13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
 14. Казьмина Е.А. Народ как субъект конституционного права Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С.56.
 15. Костомаров Н.И. Исторические монографии. Исследования. Т. VII, ч. II. Северорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки) / Н.И. Костомаров. - СПб, 1886.- С. 5-34.
 16. Лафитский В.И. Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней / В. И. Лафитский. - М.: Изд. г-на Тихомирова М.Ю., 2003. С.286.
 17. Липчанская М.А. Диалектическое единство представительной и прямой демократии в конституционном развитии России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - Саратов: ФГБОУ ВПО "Сарат. гос. юр. акад.", 2014, № 1 (96). - С. 70-75
 18. Макферсон К. Б. Жизнь и времена либеральной демократии / пер. с англ. Кырлежева А. - М. : Издат. дом Гос. ун-та. Высшей школы экономики, 2011. С.25
 19. Монтескье Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье ; сост., пер. и коммент. А.В. Матешук. - М. : Мысль, 1999. С.101
 20. Орзих М. Ф. Проблема активизации человеческого фактора в управлении государственными и общественными делами / М. Ф. Орзих // Избранные труды: юбилейное издание к 90-летию со дня рождения / Марк Филиппович Орзих ; сост.: А. Р. Крусян, А. А. Езеров ; вступ.ст. С. В. Кивалова. - О. : Юрид. л-ра, 2015. - С. 152-155.
 21. Петухов В.В., Петухов Р.В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы // Полис. 2015. № 5. С. 25-48.
 22. Примакова Т. О. Российская общественная инициатива: проблемы формирования и функционирования новой формы непосредственной демократии / Т. О. Примакова // Конституционное и муниципальное право. - 2014. - № 7. - С. 69-74.
 23. Прямая демократия Швейцарии в цифровую эпоху [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.swissinfo.ch/rus/detail/content.html?cid=36670692&link=cto>
 24. Руденко В. Институты непосредственной демократии в конституционном законодательстве Российской Федерации: правовое регулирование и проблемы реализации / В. Руденко // Конституционное право: восточноевропейское обозрение (Сравнительное конституционное обозрение). - 2003. - № 4. - С. 84-94.
 25. Указ Президента Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (вместе с Правилами рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива») // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 10, ст. 1019.
 26. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия / Ю. Хабермас // Личность. Культура. Общество. - 2002. - № 3. - С.303-320.
 27. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : в 2 т. : учеб. пособ. / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. - М. : НОРМА, 2004. - Т. 2. С.121
 28. Чернов С.К. История зарождения и развития институтов прямой демократии: Актуальные проблемы юридической науки // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Актуальные проблемы юридической науки. Материалы V юбилейной международной научно-практической конференции. - Тольятти: ВУиТ, 2008, Ч. 1. - С. 313-320
 29. Электронная демократия: граждане и власть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://imrussia.org/ru/society/330-e-democracy-citizens-and-the-state>
 30. Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. С.55.
 31. Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода: К постановке проблемы // История СССР. 1971. №2. С.73-75.
 32. «Charter of Democracy» address before the Ohio constitutional convention by Theodore Roosevelt [Electronic resource]. - Mode of access: <http://www.theodore-roosevelt.com/images/research/txtspeeches/704.pdf>
 33. Luce R. Legislative Principles: The History and Theory of Lawmaking by Representative Government // Robert Luce. - The Lawbook Exchange, Ltd., 1930. - p.566
 34. Piott S.L. The Origins of the Initiative And Referendum in South Dakota: The Political Context / Steven L. Piott // Great Plains Quarterly. - Vol. 12. - No. 3. - 1992. - P. 181-193.

35. Roberts A. The Quality of Democracy in Eastern Europe: Public Preference and Policy Reforms. Cambridge, 2010. 260 p.
36. Rose-Ackerman S. From Elections to Democracy: Building Accountable Government in Hungary and Poland. Cambridge, 2005. 158 p.
37. Zimmerman J. F. The New England Town Meeting: Democracy in Action / Joseph F. Zimmerman. - Greenwood Publishing Group, 1999. P.29
38. Procopii Caesariensis De bellis libri V–VIII // Opera omnia. Leipzig, 1963. Vol. II. P. 1422.
39. Jedlicky M. Z. Kronika Thietmara / Poznań, 1953. C.622

Public administration based on principles of democracy

Andrei G. Seleznev

Head,
Autonomous non-profit organization “National Center for Public Communication”,
115419, 15, Donskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: andrey@seleznev24.ru

Abstract

This article examines the question of how to modernize the system of public administration in modern Russian conditions in order to ensure a breakthrough in the scientific, technological and socio-economic development of the Russian Federation that satisfy the interests of most of the population, based on the principles of popular will.

The author conducts a study of domestic and foreign historical experience of the development of basic forms of direct democracy, analyzes sociocultural and historical factors that influenced on the processes associated with the formation of models of democracy in various countries, and also reveals the current state of democracy in Russia and its main constitutional and legal Problems.

It is proposed to use direct democracy as an effective system of government. The question of the introduction of new mechanisms, the creation of environmental conditions, as well as constitutional and legislative reform, allowing every citizen of the Russian Federation to take a real part in the processes related to the formation, control, management and implementation of state programs, socio-economic development strategies of the Russian Federation, federal and regional government projects, investment programs, bills and other initiatives.

For citation

Seleznev A.G. (2019) Gosudarstvennoye upravleniye na osnove printsipov narodovlastiya [Public administration based on principles of democracy]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (1A), pp. 113-128.

Keywords

Guidance, old-Russian democracy, civil society, democracy, popular declaration of will, democracy, Constitution of the Russian Federation, digital state, state power, governance.

References

1. Alekseev V.P. (1904) Democracy in ancient Russia / V.P. Alekseev. - Rostov / D.: “Don Speech” by N. Paramonova, P.68
2. Democracy in Western Europe of the twentieth century. Moscow. IVN RAS, 1996. C.5.

3. Democracy and participation in politics. Critical essays of history and theory / AI Kovler, VV Smirnov; Ed. Ed. : Shakhnazarov G.Kh. - Moscow. Nauka, 1986. P.38-54
4. Dorodeyko A. "Big Society", small authorities / A. Dorodeyko [Electronic resource]. - Access mode: http://www.bbc.co.uk/russian/radio/radio_5etazh/2011/02/110220_5floor_big_society.shtml
5. European civil initiative [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.euronews.com/2012/04/06/what-is-the-european-citizens-initiative/>
6. European civil initiatives: difficult, but possible [Electronic resource]. - Access mode: <http://rus.delfi.ee/daily/euroopa/evropejskie-grazhdanskiye-iniciativy-slozhno-no-mozhno.d?id=65849758>
7. Zgorzhelskaya S. S. (2007) Some aspects of the implementation of direct democracy / S. S. Zgorzhelskaya Russian justice. № 6. p. 16-17
8. Zenin S. S. (2012) Public hearings in the history of the development of forms of public participation in the management of public and state affairs / S. S. Zenin State power and local self-government. № 3. - p. 32-36.
9. Zenin S.S. (2008) Public hearings and popular assembly (historical aspect) History of State and Law. - M. : Lawyer, № 15. - p. 16-18
10. Isaev M.A. History of the Russian state and law: Textbook. - M. : Statute, 2012; Tolstaya A.I. History of State and Law of Russia: Textbook for universities (3rd edition, stereotypical). - M. : "Yustitsinform", "Omega-L", 2010; Philosophy of Law: Textbook / Ed. Ed. : N.N. Chernogor, O. Yu. Fishermen; Institut legislature. and compare. jurisprudence at the Government of the Russian Federation. - Moscow. Statute, 2018.
11. Kazmina E.A. (2011) The people as a subject of constitutional law of the Russian Federation: Diss. ... Cand. legal sciences. Moscow, P.56.
12. Kant I. Works: in 6 tons. / I. Kant; per. B. A. Focht, under total. ed. V.F. Asmus, A.V. Gulygi and others. - T. 4. - Part 2. - M.: Thought, 1964-1966. - p.234
13. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 12/30/2008 N 6-FKZ, of 12/30/2008 N 7-FKZ, of 05.02.2014 N 2 -FKZ, from 07.21.2014 N 11-FKZ) Meeting of the legislation of the Russian Federation, 04.08.2014, N 31, Art. 4398.
14. Kazmina E.A. (2011) The people as a subject of constitutional law of the Russian Federation: Diss. ... Cand. legal sciences. M., P.56.
15. Kostomarov N.I. Historical monographs. Research. T. VII, part II. Severnorusskogo narodopravstvu during the time of the specific-veche way of life (History of Novgorod, Pskov and Vyatka) / N.I. Kostomarov. - SPb, 1886.- P.5-34.
16. Lafitsky V.I. (2003) Poetry of law: pages of law-making from antiquity to the present day / V. I. Lafitsky. - M.: Ed. Mr. Tikhomirov M.Yu., P.286.
17. Lipchanskaya M.A. (2014) The dialectical unity of representative and direct democracy in the constitutional development of Russia Bulletin of the Saratov State Law Academy. - Saratov: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Saratov State Law. Acad., No. 1 (96). - p. 70-75
18. MacPherson K. B. (2011) Life and times of liberal democracy / trans. from English Kyrlezheva A. - M.: Izdat. State House un-that. Higher School of Economics, P.25
19. Montesquieu, Sh. L. (1999) About the spirit of laws / Sh. L. Montesquieu; status., trans. and comments. A.V. Matheshuk. - M.: Thought, P.101
20. Orzikh, M.F. The Problem of Activating the Human Factor in Managing State and Public Affairs / MF Orzikh Selected Works: Commemorative Edition on the 90th Anniversary of Birth / Mark Filippovich Orzikh; Compiled by: A. R. Krusyan, A. A. Ezerov; entry S.V. Kivalova. - O.: Jurid. I-ra, 2015. - p. 152-155.
21. Petukhov V.V., Petukhov R.V. (2015) Participation democracy: institutional crisis and new perspectives Polis. No. 5. P. 25-48.
22. Primakova, T. O. (2014) Russian social initiative: problems of the formation and functioning of a new form of direct democracy / T. O. Primakova Constitutional and municipal law. № 7. - p. 69-74.
23. Direct democracy of Switzerland in the digital age. - Access mode: <http://www.swissinfo.ch/eng/detail/content.html?cid=36670692&link=cto>
24. Rudenko V. (2003) Institutes of direct democracy in the constitutional legislation of the Russian Federation: legal regulation and problems of implementation / V. Rudenko Constitutional law: Eastern European review (Comparative constitutional review). № 4. - p. 84-94.
25. Presidential Decree Ros. Of the Federation of March 4, 2013 No. 183 "On consideration of public initiatives sent by citizens of the Russian Federation using the Internet resource" Russian Public Initiative "(together with the Rules for Considering Public Initiatives sent by citizens of the Russian Federation using the Internet resource Russian Social Initiative ") Coll. legislation grew. Federation. 2013. № 10, p. 1019.
26. Habermas, Y. (2002) Theory of communicative action / Y. Habermas // Personality. Culture Society. - No. 3. - pp. 303-320.
27. Readings on the history of the state and the law of foreign countries: in 2 tons.: Studies. benefit / resp. ed. N. A. Krashennnikov. - M.: NORM, 2004. - T. 2. P.121

28. Chernov S.K. (2008) History of the origin and development of institutions of direct democracy: Actual problems of legal science // Tatischev readings: actual problems of science and practice: Actual problems of legal science. Proceedings of the V anniversary international scientific-practical conference. - Tolyatti: VUiT, Part 1. - p. 313-320
29. E-democracy: citizens and power [Electronic resource]. - Access Mode: <http://imrussia.org/ru/society/330-e-democracy-citizens-and-the-state>
30. Yanin V. L. (2008) Essays on the history of medieval Novgorod. M.: Languages of Slavic cultures. P.55.
31. Yanin V. L., Aleshkovsky M. Kh. (1971) Origin of Novgorod: On the formulation of the problem // History of the USSR. №2. P.73-75.
32. «Charter of Democracy» address before the Ohio constitutional convention by Theodore Roosevelt [Electronic resource]. - Mode of access: <http://www.theodore-roosevelt.com/images/research/txtspeeches/704.pdf>
33. Luce R. (1930) Legislative Principles: The History and Theory of Lawmaking by Representative Government // Robert Luce. - The Lawbook Exchange, Ltd. - p.566
34. Piott S.L. (1992) The Origins of the Initiative And Referendum in South Dakota: The Political Context / Steven L. Piott // Great Plains Quarterly. - Vol. 12. - No. 3. - P. 181-193.
35. Roberts A. (2010) The Quality of Democracy in Eastern Europe: Public Preference and Policy Reforms. Cambridge. 260 p.
36. Rose-Ackerman S. (2005) From Elections to Democracy: Building Accountable Government in Hungary and Poland. Cambridge. 158 p.
37. Zimmerman J.F. (1999) The New England Town Meeting: Democracy in Action / Joseph F. Zimmerman. - Greenwood Publishing Group. P.29
38. Procopii Caesariensis De bellis libri V–VIII // Opera omnia. Leipzig, 1963. Vol. II. P. 1422.
39. Jedlicky M. Z. (1953) Kronika Thietmara / Poznań. P. 622.